

УДК 930

doi 10.17072/2219-3111-2026-3-68-78

EDN: OAJXAV

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.07

Ссылка для цитирования: Крих С. Б. Боевой стиль советской историографии древности при позднем сталинизме // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 68–78. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-68-78. EDN: OAJXAV

БОЕВОЙ СТИЛЬ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНОСТИ ПРИ ПОЗДНЕМ СТАЛИНИЗМЕ

С. Б. Крих

Омский государственный университет, 644077, Россия, Омск, пр-т Мира, 55а

krikh@rambler.ru

ResearcherID: M-5123-2016

Scopus Author: 57194386149

SPIN-код: 8206-4497

В статье анализируется произошедший в самом конце сталинской эпохи случай выступления молодого ученого А. Л. Каца с критикой рецензии антиковеда П. Н. Таркова на статьи журнала *Historia* как в недостаточной степени раскрывающей отрицательные черты буржуазной науки. Это происшествие последовательно вписано в ряд контекстов. Первый контекст задают обстоятельства подготовки отзыва, известные благодаря воспоминаниям Каца. Центральным моментом является то, что отзыв был написан по прямой просьбе С. Л. Утченко – одного из учителей и старших товарищей Каца. Ранее, начиная с 1950 г., Кац был втянут в противостояние между Утченко и Тарковым, которое разворачивалось вокруг критических высказываний Таркова в отношении трудов покойного к тому времени Н. А. Машкина. Вторым контекст – социальный, раскрывающий неустойчивое положение самого Каца, в период кампаний позднего сталинизма вынужденного скрывать правду о репрессированном отце, что подталкивало его к благодарности к тем, кто его поддерживал (Утченко). Показан также институциональный контекст: пример Каца не был уникальным, выступления более молодых ученых или даже студентов с критикой знаменитых историков были широко распространены в те годы. Предполагается, что в значительной мере за этими выступлениями стояли более именитые старшие товарищи. Отличие Каца заключается в том, что в дальнейшем он как ученый отходит от вызывающего стиля высказываний и, очевидно, переосмысливает ранний этап своей научной карьеры. Тем не менее расставание со стилем, который он сам называл «петушиным», происходило с большими усилиями.

Ключевые слова: советская историография, поздний сталинизм, журнал *Historia*, А. Л. Кац, С. Л. Утченко.

Введение

Б. Кроче писал, что склонность к употреблению в труде обобщающих оговорок вроде «наверное», «судя по всему», «очевидно» следует отнести к маркерам псевдоисторического сочинения, поскольку таким способом мы переводим конкретное знание на тот уровень обобщения, когда им легко манипулировать уже в наших собственных целях [Кроче, 1998, с. 24]. Так и я в одной из своих прежних статей, посвященной историко-публицистическому жанру советского исторического нарратива в сталинское время, отмечал в конце, что тупики развития этого жанра привели после войны к снижению эмоциональности высказываний и повышению роли фактологии [Крих, 2021, с. 100–101]. Хотя я и не употреблял в этом пассаже обобщающих вводных конструкций, это было то самое обобщение, которое упрощало реальное положение вещей. Правда, меня извиняет то, что это утверждение и по сей день не представляется мне в корне неправильным, а также и то, что при написании прошлой работы я еще не осознавал ценность части известного мне историографического материала.

Позволю пояснить два последних утверждения, поскольку это приведет нас к постановке целей данной статьи. Нарастание роли фактологии в послевоенном историческом нарративе кажется мне по-прежнему корректным тезисом, а вот снижение градуса эмоциональности – верным только в том самом обобщенном смысле, о котором критически отзывался Кроче. Мною не было учтено то, что состав послевоенных авторов не полностью совпадал с довоенным, в том числе потому, что в науку пришло новое поколение, выросшее в атмосфере 1930-х гг., для которого все эти барабанные формулировки о слепоте буржуазных авторов и преступных заблуждениях авторов собственных были нормативными, которое не знало другой среды обитания. Говоря о поколении в целом, тоже не следует обобщать, потому что у каждого конкретного представителя мог быть свой бэкграунд и свой возраст вхождения в науку, но тем не менее степень их подверженности внешнему воздействию общераспространенного стиля речи 1930-х гг. была намного выше, чем у более старших коллег и товарищей.

Итак, хотя примеры такого рода индоктринации и были мне известны, но, как это случается, я смотрел, но не видел. Дело изменила публикация воспоминаний одного из участников процесса – А. Л. Каца (1922–1978) – пространных, одновременно самолюбивых и самокритических, написанных с цепкостью памяти непожилого еще человека и объясняющих некоторые важные мотивы его поведения в первой половине 1950-х гг. [Кац, 2024]. Благодаря им казавшиеся разрозненными случаи теперь предстали в виде общей тенденции.

Кейс П. Н. Таркова: отзыв А. Л. Каца и обстоятельства его появления

Как известно, «Вестник древней истории» – это ежеквартальный журнал. Первый номер за 1953 г. открывался фотографией Сталина в траурной рамке и соответствующими поминальными текстами; он был подписан в печать 25 апреля. Но основная часть текстов была подготовлена в прошлом году, так что читатели знакомились с журналом, созданным еще во время позднего сталинизма. Именно в этом номере в разделе критики и библиографии была напечатана статья А. Л. Каца со вполне типичным для эпохи названием «За усиление борьбы с буржуазной идеологией в области древней истории».

Текст был выстроен в следующей манере. Поначалу шли краткие, но восторженные отсылки к решениям партии и высказываниям Сталина, формулировалась задача статьи: «Это гениальное выступление и исторические решения XIX съезда ставят перед нами задачу еще более серьезной, еще более непримиримой борьбы с растленной буржуазной идеологией» [Кац, 1953, с. 133]; указывалось, что задача эта выполняется советскими историками, которые «остро и на научной основе» раскрывают реакционную суть «трудов» (слово это было дано в кавычках) «буржуазных авторов» [Там же].

Далее автор сообщал, что в такой работе не «обходится без ошибок» [Там же]. К числу таковых он относил обзор П. Н. Таркова на новый тогда зарубежный журнал *Historia*. Суть упреков к обзору заключалась в том, что Тарков критиковал иноземных историков слишком мягко, и эта мысль неоднократно сообщалась читателю: «Его критика носит объективистский и весьма поверхностный характер; она сводится к критике отдельных, разрозненных положений авторов статей в отрыве от их общей концепции» [Там же, с. 134]; «изложение тоже выдержано в объективистском духе, критические же замечания проф. Таркова являются чрезвычайно робкими и бьют мимо цели» [Там же, с. 135]; «полемизирует с Гриффисом по второстепенным и частным моментам» [Там же, с. 136].

Кац подтверждал свою мысль рядом примеров. Так, он утверждал, что оценка Тарковым точки зрения И. Штрауба о христианской апологетике в конце античности как «спорной» не может быть принята советским читателем: раз Штрауб «отказывается видеть в кризисе Римской империи кризис рабовладельческого строя», восхваляет католическую церковь и ее писателей, «проповедует возможность мирного перехода от древности к средневековью», то это никак нельзя считать лишь идеализмом, как делает Тарков, это реакционная идеология [Там же, с. 134]. Выпады Штира против материализма Тарков цитирует, но не критикует, а значит: «Такой способ изложения враждебных взглядов превращается в их пропаганду» [Там же].

Манеру претензий в отзыве хорошо иллюстрирует тот факт, что часть их является буквально придирками к словам. Цитируя Таркова о том, что в рецензируемых номерах в разделе критики и библиографии «советский читатель найдет разбор известных ему книг Ростовцева, Сайма, Тейлор, получивших уже соответствующую оценку в нашей печати» [Тарков, 1952, с. 118], Кац замечал, что раз уж в советской печати этим книгам дана оценка, то «зачем же... отсылать советского читателя к рецензиям в журнале *Historia*?» и усиливал эту мысль риторическим вопросом: «Что же, с позволения сказать, может “найти” для себя советский читатель в этих рецензиях, к которым отсылает его проф. Тарков, кроме враждебных выпадов и злостной фальсификации истории?» [Кац, 1953, с. 137].

Завершался отзыв кратким выводом: рецензия Таркова не вооружает читателя для борьбы с буржуазной идеологией (которая вновь названа растленной), но «способна лишь его дезориентировать и поэтому является вредной» [Там же].

Как уже было сказано, это не уникальный продукт советской историографии тех лет¹ и даже степень эмоциональности высказываний в нем, пожалуй, далека от максимальной, а уж то, что это отрицательные эмоции (преступный недосмотр профессора), – это тем более нельзя считать удивительным. Но интересны контекст и подробности создания этого отзыва, поскольку написан он начинающим ученым по совету старшего товарища – С. Л. Утченко (1908–1976), который в эти же годы был заместителем главного редактора «Вестника древней истории».

Спустя почти двадцать лет, поправляясь от раннего инфаркта, Кац напишет мемуары, в которых детально изложит обстоятельства создания и публикации своего отзыва. В конце 1952 г., когда он дописывал диссертацию, его позвал к себе в Институт истории АН СССР Утченко, который тогда был заместителем директора. Утченко читал Кацу лекции в МГУ, они к тому времени были хорошо знакомы, так что первый доверял второму. Именно старший товарищ не только указал на статью Таркова в качестве объекта пристального внимания, но и вручил номер журнала *Historia*, о котором писал Тарков: «Я ушел и принялся за чтение, никому ничего не говоря: журнал ведь был взят из специального фонда» [Кац, 2024, с. 536]. Утченко предложил сначала отнести отзыв в «Вопросы истории», логично предполагая, что там его не возьмут как узкоспециальный, а потом уже в «Вестник древней истории», что Кац и сделал, нигде не упоминая имени Утченко. Отделом критики и библиографии в «Вестнике древней истории» заведовал Я. А. Ленцман (1908–1967). «Моя статья удовольствия ему не доставила: ведь рецензию П. Н. Таркова в свое время пропустил он. Вместе с тем и Яков Абрамович Ленцман не мог отказаться от удовольствия врезать Таркову» [Там же, с. 539]. После обсуждения на редколлегии статья была поставлена в номер, и это было сделано весьма оперативно: если учитывать, что Кац подал свою статью в декабре 1952 г. или даже в январе 1953 г.

Кем же был профессор, отповедь которому стремилась опубликовать редакция журнала? Петр Николаевич Тарков (1902–1962) до сих пор мало привлекал к себе внимания исследователей науки, поэтому будет уместно сообщить здесь то, что уже сейчас известно из его биографии, тем более что он представлял собой предшествующее Кацу поколение советских историков². Родился Тарков в Кургане, в учительской семье (отец преподавал немецкий язык) (ГАПК. Ф. Р-180 Оп. 2. Д. 661. Л. 28), в 1924 г. окончил Московский университет, получив специальность преподавателя обществоведения, работал в школе (с перерывом на службу в армии в 1927–1928 гг.), в 1938–1940 гг. учился в аспирантуре по древней истории МИФЛИ (Там же. Л. 28–29); кандидатскую («Социальное движение в Пелопоннесе в конце III и начале II вв. до н.э.» с обозначенным им самим объемом в 12 печатных листов (Там же. Л. 36)) защитил, таким образом, перед самой войной; был беспартийным. В годы войны Тарков оказывается в Молотове (Перми), где в 1942 г. исполнял обязанности декана историко-филологического факультета, а также до 1945 г. заведовал кафедрой всеобщей истории в Молотовском университете [Пермский государственный университет..., 2015, с. 17]. Тарков стремился к получению докторской степени, и уже в августе 1942 г. сдал текст диссертации («Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III–II вв. до н.э.» на 15 печатных листах) в Московский университет, заручился отзывами на нее С. И. Радцига и Е. В. Тарле (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 661. Л. 36). Отзывы были,

правда, на одну страницу каждый, а Радциг специально уточнил, что отзыв «предварительный» и работу он только начал читать (Там же. Л. 20).

В итоге докторская была защищена только в 1947 г., а с 1949 по 1956 г. Тарков возглавлял кафедру истории Московского государственного библиотечного института [Петр Николаевич Тарков, 1962, с. 217]. Начиная с середины 1940-х гг. он публиковался в «Вестнике древней истории», хотя в основном это были рецензии и только одна статья по теме докторской диссертации. В общем эти работы мало помогут что-то понять в произошедшем; в основном это критика зарубежной буржуазной историографии, однако с признанием отдельных достоинств. Вот вполне типичная оценка для обзоров Таркова: «Отдавая должное эрудиции Олло, тем не менее надо отметить, что, судя по его историко-философским предпосылкам и выводам по основным вопросам периода проникновения Рима на Восток, зарубежная историография зашла в тупик» [Тарков, 1946, с. 256]. Тарков, пожалуй, действительно избегал слишком пафосных характеристик: писал не о пороках, а о «методологических недостатках» [Тарков, 1947, с. 100] зарубежной науки.

Он участвовал и в обсуждениях учебников, которые проводились в те годы на кафедре истории древнего мира в МГУ, выступал в общем умеренно критично и осмотрительно. Можно обратить внимание читателей, что, упоминая о некотором расхождении своих взглядов на эллинизм со взглядами А. Б. Рановича (1885–1948), Тарков использует уже известную нам вводную конструкцию – «отдавая должное эрудиции покойного» [Дискуссия..., 2024, с. 273].

Единственный момент, который выделяется из общей линии поведения Таркова – его отношение к учебнику по истории древнего Рима, написанному Н. А. Машкиным (1900–1950). Оговариваясь неоднократно, что это один из лучших учебников, Тарков ратовал за его серьезную доработку. Но поскольку автор уже скончался, то предложение о доработке, очевидно, подразумевало коллективное участие, и здесь Тарков, вероятно, был готов потеснить, казалось бы, очевидную монополию коллег из МГУ на основании теоретической ошибки с их стороны: «Никак поэтому нельзя согласиться с кафедрой древней истории МГУ, утверждающей, что ни один марксист не может рассматривать “патрициев и плебеев как антагонистические классы”» [Тарков, 1951, с. 129]. Этот ход Таркова мог спровоцировать Утченко на ответные меры (проведенные методами партизанской борьбы): Утченко мог решить, что Тарков ругает советских историков более пристрастно, чем западных, имея в виду собственные интересы. Позднее я приведу другой аргумент в пользу этой версии, но оговорюсь, что Тарков и тут был осмотрителен: в той же рецензии, на которую написал отзыв Кац, в сугубо положительном ключе упоминалась монография Машкина о принцепате Августа [Тарков, 1952, с. 118]³.

В общем, каким-то выдающимся критиканом, кидающимся на всех без разбора и раздающим исключительно идеологические ярлыки, Тарков не предстает ни в публикациях, ни в обсуждениях: градус эмоциональных высказываний в годы последних сталинских идеологических кампаний в его работах возрастает, но на фоне общей тенденции не выделяется. Более того, стилистически Тарков предпочитает использовать конструкции вроде «автор очевидно неправ», чем лобовые определения. Этим, собственно, и воспользовался Кац, создавая свой отзыв. Важно отметить, что у Каца не было самостоятельно возникших мотивов для выступления против Таркова, ведь они занимались разными темами (Тарков – международными отношениями на исходе эллинизма, Кац – манихейством). Мотивы были навязаны молодому аспиранту представителем его академической группы влияния (Кац упоминает, что Утченко и ранее негативно отзывался о Таркове [Кац, 2024, с. 405]), он же выступил в роли увлечшегося исполнителя, взявшего на себя «грязную работу».

Можно утверждать, что интрига Утченко увенчалась успехом: если с 1946 по 1953 г. Тарков публиковался в «Вестнике древней истории» семь раз, то после статьи Каца – только однажды. Что же касается Каца, тот вскоре после защиты кандидатской диссертации уехал по распределению в Киргизию: ни в МГУ, ни в Академии наук места для него не нашлось. Кац выделяет в качестве главной причины антисемитизм, но тщательное изложение в мемуарах случая с Тарковым наводит на мысль о том, что он со временем начал догадываться, как резкая статья могла качнуть весы не в его пользу.

Причины поведения: социальный подтекст

В свое время А. А. Формозов обратил внимание на то, что историки, которые произвели в начале 1930-х гг. обоснование новой, пятичленной периодизации истории (приписанной Марксу), обладали неидеальными с точки зрения советской власти биографиями, что и делало их более податливыми к властным манипуляциям [Формозов, 2006, с. 179]. Если это наблюдение и справедливо (а в нем есть сомнительные моменты), то одним из секретов советского строя была неидеальность биографий большинства акторов, которую каждый из них скрывал, маскируясь под воображаемое идеальное большинство, в котором мыслил именно себя потенциальным изгоем.

Исходя из этого соображения, сложно говорить о том, что в биографии Каца было нетипичным, зато легко можно назвать точки, которые делали его неидеальным представителем советского строя: прежде всего, его отец был отправлен в ссылку, где и умер, и Кац после начала войны и вплоть до XX съезда партии скрывал этот факт, избегая писать о нем в автобиографиях. Это умолчание позволило ему вступить в партию, занимать общественные должности в годы обучения в МГУ и при этом подпитывало постоянный страх разоблачения [Кац, 2024, с. 369]. Во-вторых, Кац был из семьи евреев, перешедших в православие [Там же, с. 9], и если до революции конфессиональная принадлежность была определяющим фактором идентификации, то в новых условиях проблемой становилась сама фамилия: в годы кампании против космополитизма Кац испытывал дополнительное давление от того, что может быть маркирован как предатель.

Это порождало, как можно понять, психологическое напряжение: с одной стороны, он был ветераном войны, отмеченным наградами офицером, с другой – подозреваемым в космополитизме лжецом, сохранявшим от окружающих страшную тайну об отце. Это были не только абстрактные страхи: Кац пишет о том, что декан А. В. Арциховский в общем почти не скрывал неприязненного отношения к нему [Там же, с. 521]. В этой ситуации тем более добрые чувства вызывали те из старших товарищей, кто относился к Кацу дружески и с уважением.

Известно, что Утченко покровительствовал Кацу: они общались не только формально, старший товарищ несколько раз угощал его обедами в кафе гостиницы «Москва», что для не процветавшего в те годы Каца было большим знаком внимания. Цепкая память мемуариста сохранила и то, что уже тогда Утченко заговаривал с ним о Таркове: «Говорил, что в этой мутной воде ловят рыбу бездарности, вроде профессора Петра Николаевича Таркова и некоторых других» [Там же, с. 405]. К этим другим, не названным напрямую, видимо, следует отнести М. Н. Перегудова (1900–1969), отставного полковника госбезопасности, который учился на заочном отделении Московского пединститута. Перегудова считали креатурой Таркова [Там же, с. 480], он вызывающе неквалифицированно критиковал учебник Машкина [Перегудов, 1950; Севастьянова, 1951, с. 164–166]⁴, и против него, опять же при поддержке Утченко, устно и письменно выступал Кац уже в 1950–1951 гг. [Кац, 2024, с. 489].

Без сомнения, эти патронажно-клиентские отношения [Тихонов, 2016, с. 78–79] сыграли роль и в том, что Кацу было трудно отказать в просьбе Утченко, и в том, что он старался выполнить задумку старшего товарища как можно лучше: в частности, когда работавшая в редакции А. И. Павловская (1921–2012) как его хорошая знакомая посоветовала снять авторство с резкого отзыва, то Кац, не увидев от Утченко положительной реакции на эту идею, отказался это делать [Кац, 2024, с. 539–540]. Аспирант, думается, искренне воевал за тех, кто поддерживал его, поскольку тон статьи он, судя по мемуарам, выбрал самостоятельно.

Неисключительность примера: социальный контекст

Отзыв Каца должен быть также помещен в соответствующий контекст печатных и устных баталлий в научной среде сталинской эпохи. Кажется возможным предположить, что ученые, выстоявшие в первом раунде этих схваток в 1930-е гг., приобрели со временем некоторую респектабельность и старались избегать агрессивной манеры ведения дискуссий с политизированными выпадами, если только дело не доходило до прямой угрозы их положению. Но поскольку никуда не исчезли ни возможность использования указанных приемов в условиях сталинских кампаний 1940-х гг., ни определенная их эффективность, то это стало функцией более молодого поколения: либо тех, кто был готов помочь «патронам» (как Перегудов Таркову или

Кац – Утченко), либо тех, кто рассчитывал с помощью этих приемов ускорить научную карьеру, оттеснив оступившихся представителей старшего поколения. В реальности, конечно, эти типы строго не различались.

За несколько лет до отзыва Каца Е. Суров опубликовал рецензию на популярную книгу С. Я. Лурье (1891–1964), а главная претензия к книге заключалась в том, что Лурье недостаточно уважительно относился к русской традиции исследования Геродота, «в ослеплении перед призрачным блеском иностранных авторитетов» [Суров, 1948, с. 134] намного больше ссылаясь на работы Э. Мейера и Ф. Якоби, что было, конечно, манипуляцией и придирами, так как Лурье довольно подробно пересказывал и Ф. Мищенко. Среди других претензий содержалась уже известная нам по отзыву Каца: советский историк мало критикует «буржуазную историографию» [Там же, с. 132]. Имя С. Я. Лурье хорошо известно и советским антиковедам, и нашим современникам; биография Е. Сухова известна меньше. Возможно, это Е. Г. Суров (1912–1975), учившийся в Московском пединституте, с 1940 г. работавший в Свердловске [Романчук, 2004] и занимавшийся раскопками Херсонеса Таврического.

В марте 1949 г. состоялось совместное заседание кафедры истории древнего мира МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР, на котором обсуждался университетский учебник В. С. Сергеева по истории Древней Греции. Наиболее остро выступала О. Н. Юлкина, и это не в последнюю очередь было связано со стилем ее высказываний, который, даже с поправкой на то, что перед нами устная речь, выделялся на фоне выступлений коллег. Вот она говорит о буржуазных ученых, что «они выхолостили древнюю историю и сделали ее оружием в своем арсенале» [Бугаева, Ладынин, 2016, с. 227], вот предлагает включить в обновленное издание больше материала по Причерноморью: «Надо тщательно продумать этот вопрос, чтобы это не было привесочком, как сейчас» [Там же, с. 228]. Лурье на том заседании критиковали почти все, но Юлкина и тут превзошла окружающих: «Нельзя делать так, как делал Лурье (его тысячу раз били, и жалко, что не добились!)» [Там же, с. 231]. Если брать не стиль, а содержание, Юлкина стояла за то, чтобы меньше хвалить зарубежных ученых [Там же, с. 229–230].

В июне 1953 г. в МГУ состоялась дискуссия по проблемам эллинизма, в которой обсуждалось, является ли эллинизм необходимым этапом в истории рабовладельческой формации (точка зрения восходила к А. Б. Рановичу) или же конкретно-историческим явлением (К. К. Зельин). Юлкина в этот раз употребляла меньше просторечных слов, но ее вклад в спор сводился к предложению старых приемов: «Если бы мы, действительно, основательно покритиковали работы Ростовцева и Тарна с наших марксистских позиций, то гораздо более это важно, чем решать вопрос: этап это или период?» [Дискуссия..., 2024, с. 353].

Об О. Н. Юлкиной в настоящее время известно немного: пока не выяснены даже даты ее жизни, но, скорее всего, в конце сталинского времени ей было около сорока, коль скоро во второй половине 1930-х гг. она работала учителем истории [Метель, 2022, с. 273, прим. 2], значит, старт научной карьеры не был ранним. В 1950-е гг. она заведовала аспирантурой и докторантурой в Институте истории АН СССР. В 1946 г. защитила диссертацию о восстании Аристоники, в которой довольно искусственно старалась подчеркнуть масштаб восстания путем расширения его хронологических границ [Юлкина, 1947] – прием, который она заимствовала у своего научного руководителя А. В. Мишулина (1900–1948), проделавшего то же самое с датировкой восстания Спартака. След О. Н. Юлкиной теряется после второй половины 1950-х гг.

Таким образом, даже на этих немногих примерах можно видеть, что применение ругательного стиля полемики по направлению от «младших» к «старшим» было если не нормой, то характерной чертой времени. Не менее важным является и то, что у научного сообщества такие поступки уже тогда должны были вызывать вполне определенные умозаключения: участие в акциях против старших товарищей могло считаться равносильным признанию недостаточности собственно научных достижений для успешного построения карьеры. Кац, соответственно, тут не предстает исключением, но он, благодаря наличию воспоминаний, добавляет в свой образ драматизма, ведь перед нами участник, определенно не верящий в идеологию, которую эксплуатирует.

Высказывание и последствия: трансформация стиля

Люди обычно не видят драмы в том, что бездарность пробивает себе дорогу негодными средствами, и склонны объяснять выбор средств именно этим свойством личности. Научный путь Юлкиной может подтвердить расхожее мнение. Но к случаю Каца, на мой взгляд, этот силлогизм не применим, несмотря на то что его ранние публикации, сделанные на основе диссертации, отличаются тем же напористым, безапелляционным стилем, что мы ранее наблюдали у него же и у Юлкиной, у Сурова и у Перегудова.

Например, в обзоре работ зарубежных авторов, писавших об идеологии поздней Римской империи, автор лихо клеит ярлык за ярлыком: Фогт у него «неразоружившийся фашист», который фальсифицирует политическое значение христианства и церкви [Кац, 1954, с. 105] (это из-за того, что Фогт приписывал смягчение положения рабов влиянию христианства), Пюш – научно беспомощен и вреден политически [Там же, с. 106], Лейпольдт тоже вреден (читатель уже мог заметить, что в ругательном наборе ярлыки быстро заканчиваются, и один приходится клеить по два раза), а еще не использует «Апокалипсис» в качестве самого раннего христианского сочинения [Там же, с. 107] (Кац, видимо, искренне верил, что это было абсолютно доказано, раз это когда-то написал Бруно Бауэр и повторил Энгельс).

В статье о манихействе в Римской империи по сведениям «Деяний Архелая» историк проводит мысль, что основной паствой манихеев было сельское население, недовольное тем, что христианство стало фактически религией богатых, которых христианская проповедь лишь призывала быть скромнее [Кац, 1955, с. 177]. Это смысловая натяжка, которая может быть сопоставлена с идеями диссертации Юлкиной.

Но в более зрелом научном творчестве уже хорошо заметны отход от прежних приемов и даже рефлексия над прошлым. Как и следовало ожидать, первым пало слишком высокомерное отношение к зарубежной науке. В статье о рабстве у Плавта и Катона Кац сообщает про исследование П. Шпрангера как «имеющее серьезные достоинства в анализе литературного наследия Плавта, но отстаивающее неприемлемую концепцию» [Кац, 1964, с. 81]. Напиши это Тарков, и Кац мог бы воскликнуть на это: какие же могут быть достоинства при абсолютно неприемлемой концепции! Но это уже 1960-е гг., и к себе мы ожидаемо менее критичны, чем к другим.

В опубликованной посмертно статье о социальной направленности комедий Плавта автор уже без эмоций ссылается на творчество «буржуазных» исследователей [Кац, 1980, с. 77, 78, 83, 91, 92] или же отмечает, что конкретный момент освещен недостаточно [Там же, с. 74, прим. 2], т.е. упоминания о зарубежных коллегах больше не маркируются специфическими негативными оговорками-заклинаниями, а результаты их работ оцениваются совместно с выводами советских авторов. Например, равно неправы могут быть как отечественный, так и зарубежный исследователи [Там же, с. 94].

Далее в концептуальном аспекте на смену прямолинейности приходит осмотрительность. Проводя тщательный анализ слов, используемых в комедиях Плавта для обозначения хороших и дурных человеческих качеств, Кац отказывается видеть в этом противопоставление морали богатых и бедных: «Осуждается не богатство как таковое, а позорное его употребление» [Там же, с. 88] – и противостоит перехлестам более ранней советской традиции: нет оснований видеть в комедии «Хвастливый воин» насмешку плебса над военщиной, как это делал Н. Ф. Дертани [Там же, с. 88], или особое сочувствие Плавта и его зрителей рабам [Там же, с. 95, прим. 36; Кац, 1964, с. 90]. Комедии Плавта апеллировали не конкретно к бедным плебейам, а ко всем сторонникам старой римской морали, противостоящим эллинофилам [Кац, 1980, с. 91]. Сама эта мысль идет в русле идей о римской общине как о полисе, высказанных С. Л. Утченко (на которого Кац и ссылается), поэтому не может считаться оригинальной, но она весомо аргументирована классической тщательной работой с источником.

Точно так же осмотрительно поставлена цель исследования и в чуть более ранней работе: «В предлагаемой статье затрагивается вопрос о том, насколько Катон и тем более Плавт отразили в своих сочинениях реальное положение римских рабов. Нас интересуют представления обоих писателей о взаимоотношениях рабов и свободных» [Кац, 1964, с. 83].

Наконец, проявляется рефлексия над опытом советской науки. Кац сообщает в мемуарах, что его статья о «революции рабов» была существенно переработана членом редколлегии «Вестника древней истории» Е. М. Штаерман (1914–1991), в результате став лучше [Кац, 2024, с. 682–684], и поэтому нельзя быть полностью уверенным, что в изначальной редакции не было следов прежнего задиристого стиля, но все-таки основные идеи статьи, безусловно, принадлежали самому автору. А следовательно, это было в том числе переосмысление и собственных взглядов, тем более что Кац отмечал в статье, как они менялись [Кац, 1967, с. 223, прим. 57].

Соответственно, глядя ретроспективно на его рост как ученого, можно зафиксировать, что нужды «толкаться локтями» у него не было. Об этом думал и сам историк, и видно, что по прошествии лет у Каца сохранилось двойственное впечатление об этом случае: он не жалел о том выборе, который сделал, но при этом характеризовал собственную статью о Таркове, можно сказать, презрительно. Приводя в мемуарах отрывки из нее, он сопровождал их, например, такими комментариями: «Потом я разбирал статью Штира и кричал...» [Кац, 2024, с. 537], «Кончал я статейку так...» [Там же, с. 538]. Но в то же время резюмировал: «П. Н. Тарков получил заслуженный нокаут» [Там же].

Получается, Кац винил себя лишь за то, что «не мог избежать дурного задиристого тона в полемике» [Там же, с. 403], о чем он повторяет в мемуарах неоднократно, а не за то, что в принципе поучаствовал в интриге. Но мемуаристы, какими бы они ни старались быть честными, всегда щадят себя, а мы можем сформулировать вопрос, которого избегал Кац: можно ли было выполнить поставленную ему цель, выбрав какой-то другой тон в полемике, именно в условиях 1952 г.? На мой взгляд, такой вариант в принципе отсутствовал.

Таким образом, перед нами ситуация, в которой умный, талантливый начинающий ученый сознательно делает выбор в пользу того языка высказываний, который сам не считает достойным, и попадает в ловушку цели, оправдывающей средства. Дело тут совсем не в том, что Кацу «не повезло»: эпоха закончилась, а он успел отметиться как верный приверженец ругательного стиля; в конце концов, не он один был таким. Это оказалось ловушкой потому, что у него еще не было репутации, которая могла бы показать окружающим, что он не только такой. И поэтому это не могло не сказаться на перспективах его московской научной карьеры.

А еще это оказалось ловушкой потому, что однажды взятый стиль оказалось вытравить гораздо сложнее, чем осознать его недостатки. Стиль ведь рождается не сам по себе, а в определенной обстановке, и если сначала Кац думал, что он может управлять градусом эмоций, то постепенно осознал: изменение звучания работ требует многих усилий, и с этой задачей без хорошего редактора справиться крайне сложно.

Думается, не случайно в воспоминаниях он упомянул о том, как Павловская советовала ему не ставить свою фамилию под злополучной статьей. Формально он поступил благородно, отказавшись от анонимности, но неблагородным был изначальный поступок, а именно – выбранный стиль. Конечно, Кац не мог знать, что эпоха заканчивается, и в этой максимально густой тьме сделал такой выбор, который можно осуждать только тому, кто уверен, будто никогда не ошибается и все предвидит. Но отсутствие осуждения не означает, что мы не можем извлекать уроки из этого случая.

Примечания

¹ Буквально в том же номере статье Каца предшествует рецензия, автор которой усматривал идеализм даже в том, с какого ракурса фотографировались египетские пирамиды [Павлов, 1953, с. 131–132].

² Должен выразить благодарность А. А. Виннику, любезно предоставившему мне материалы из Пермского архива, которые легли в основу приводимых ниже биографических сведений.

³ Впрочем, вряд ли бы Тарков решился нападать на книгу, «защищенную» Сталинской премией.

⁴ Кстати, Тарков, утверждая, что плебеи и патриции могут рассматриваться как антагонистические классы, отвечал именно на упрек Перегудову, что дополнительно подтверждает их сотрудничество.

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 661. Тарков Петр Николаевич. 1941–1946. 41 л.

Библиографический список

- Бугаева Н.В., Ладынин И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...». Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2(4). С. 187–282. EDN: XDCGRD.
- Дискуссия по проблемам эллинизма в МГУ. Стенограмма заседаний 26–27 июня 1953 г. // Кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ (1934–2024 гг.). К 90-летию института и кафедры истории древнего мира / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2024. С. 261–383.
- Кац А.Л. Вопросы идеологии поздней Римской империи в работах буржуазных историков // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 102–108.
- Кац А.Л. В садах Эпикура. СПб.: Алетейя, 2024. 802 с.
- Кац А.Л. За усиление борьбы с буржуазной идеологией в области древней истории // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 133–137.
- Кац А.Л. Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai // Вестник древней истории. 1955. № 3. С. 168–179.
- Кац А.Л. Проблема падения Римской империи в советской историографии (из истории вопроса) // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 212–229.
- Кац А.Л. Проблема рабства у Плавта и Катона // Вестник древней истории. 1964. № 3. С. 81–90.
- Кац А.Л. Социальная направленность творчества Плавта // Вестник древней истории. 1980. № 1. С. 72–95.
- Крих С.Б. Древняя история и новая публицистика: о поисках нарратива в советской историографии сталинского времени // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. № 1(52). С. 94–103. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-1-94-103. EDN: HDYTLW
- Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с. ISBN: 5-7859-0066-1. EDN: WABMNL.
- Метель О.В. Советское академическое антиковедение во второй половине 1930-х – 1960-е гг.: сектор древней истории Института истории АН СССР // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2022. Т. 10. С. 263–286. EDN: YNMHZA.
- Павлов В.В. Art égyptien. Texte d'Etienne Drioton, Photographies d'Etienne Sved, P., 1950 // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 131–133.
- Перегудов М.Н. Вопросы исторического материализма в учебниках по истории // Вестник высшей школы. 1950. № 8. С. 59–63.
- Пермский государственный университет: история в лицах / авт.-сост. А.В. Пустовалов. Пермь: Маматов, 2015. 514 с.
- Петр Николаевич Тарков: некролог // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 217.
- Романчук А.И. Евгений Георгиевич Суков. К 45-летию Крымской археологической экспедиции Уральского университета // Известия Урал. гос. ун-та. 2004. № 32. С. 161–168.
- Севастьянова О.И. Н.А. Машкин. История древнего Рима. М., 1949 // Вестник древней истории. 1951. № 1. С. 159–166.
- Суков Е. С. Лурье. Геродот. М.–Л., 1947 // Вопросы истории. 1948. № 5. С. 132–134.
- Тарков П.Н. О взглядах М. Олло на международные отношения в Средиземноморье на рубеже III и II вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 252–256.
- Тарков П.Н. Н.А. Машкин. История древнего Рима. М., 1949 // Вестник древней истории. 1951. № 4. С. 122–130.
- Тарков П.Н. Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. 1950–1951. № 1–3 // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 113–118.
- Тарков П.Н. F.W. Walbank. Philip V of Macedon. Cambr., 1940 // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 97–101.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с.

Юлкина О.Н. Пергамский декрет 133 года до н.э. // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 160–168.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.07.2026

THE COMBATIVE STYLE OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF ANTIQUITY DURING LATE STALINISM

S. B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University, 55-a Mira av., Omsk, 644077, Russia
krikh@rambler.ru
ResearcherID: M-5123-2016
Scopus Author: 57194386149
SPIN: 8206-4497

The article offers a critical analysis of the scholarly and rhetorical style of A.L. Katz, a representative figure of Soviet classical historiography during the late Stalinist era. Particular attention is given to his polemical texts from the early 1950s, which are characterized by ideologically charged language and a confrontational tone. The article examines how, in this period, Katz – supporting S.L. Utchenko – launched a sharply critical attack on P.N. Tarkov, adopting a style that aligned with the ideological expectations of the time but, in retrospect, appears excessively aggressive and doctrinaire. The article traces Katz's subsequent scholarly evolution, noting a gradual departure from such rigid ideological criticism in favor of more nuanced academic inquiry. This shift is observable in his later works on Roman social history, where the ideological imperative gives way to a more restrained and textually grounded analysis. The article situates this transformation within the broader context of Soviet historiography's slow post-Stalinist liberalization. Brief mention is also made of other contributions, including O.N. Iulkina's study of the Pergamon Decree, illustrating the diversity of themes addressed within Soviet classical scholarship. Overall, the article provides insight into the tensions between ideology and scholarship in Soviet approaches to ancient history.

Key words: Soviet historiography, late Stalinism, "Historia", A.L. Katz, S.L. Utchenko.

References

- Bugaeva, N. V., & Ladynin, I. A. (2016). "Our textbook on ancient history will pass the test...": Meeting of the Department of Ancient History of the History Faculty of Moscow State University and the Sector of Ancient History of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo*, (2), 187–282.
- Croce, B. (1998). *Theory and history of historiography*. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury».
- Discussion on the problems of Hellenism at Moscow State University: Transcript of the meetings, June 26–27, 1953. (2024). In S. Yu. Saprykin (Ed.), *Department of Ancient World History, Faculty of History, Moscow State University (1934–2024). On the 90th anniversary of the Faculty of History and the Department of Ancient World History* (pp. 261–383). ARGAMAK-MEDIA.
- Formozov, A. A. (2006). *Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographical essays*. Znak.
- Katz, A. L. (1953). For strengthening the fight against bourgeois ideology in the field of ancient history. *Vestnik drevney istorii*, (1), 133–137.
- Katz, A. L. (1954). Questions of the ideology of the late Roman Empire in the works of bourgeois historians. *Vestnik drevney istorii*, (2), 102–108.
- Katz, A. L. (1955). Manichaeism in the Roman Empire according to Acta Archelai. *Vestnik drevney istorii*, (3), 168–179.
- Katz, A. L. (1964). The problem of slavery in Plautus and Cato. *Vestnik drevney istorii*, (3), 81–90.
- Katz, A. L. (1967). The problem of the fall of the Roman Empire in Soviet historiography (some about the history of the problem). *Vestnik drevney istorii*, (2), 212–229.
- Katz, A. L. (1980). The social focus of Plautus's works. *Vestnik drevney istorii*, (1), 72–95.
- Katz, A. L. (2024). *In the gardens of Epicurus*. Aleteya.
- Krikh, S. B. (2021). Ancient history and new publicism: About searching for a narrative in the Soviet historiography of the Stalin time. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, (1), 94–103.
- Metel, O. V. (2022). Soviet academic classical studies in the second half of the 1930s – 1960s: The ancient history sector of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. *Scripta Antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*, 10, 263–286.
- Obituary of Petr Nikolaevich Tarkov. (1962). *Voprosy istorii*, (11), 217.
- Pavlov, V. V. (1953). Review of the book *Art égyptien*, by É. Drioton & É. Sved. *Vestnik drevney istorii*, (1), 131–133.

- Peregudov, M. N. (1950). Questions of historical materialism in history textbooks. *Vestnik vysshey shkoly*, (8), 59–63.
- Pustovalov, A. V. (Comp.). (2015). *Perm State University: History in faces*. Mamatov Publishing.
- Romanchuk, A. I. (2004). Evgeny Georgievich Surov. On the 45th anniversary of the Crimean Archaeological Expedition of the Ural University. *Izvestiya UrGU*, (32), 161–168.
- Sevastyanova, O. I. (1951). Review of the book *History of the Ancient Rome*, by N. A. Mashkin. *Vestnik drevney istorii*, (1), 159–166.
- Surov, E. (1948). Review of the book *Herodotus*, by S. Lurie. *Voprosy istorii*, (5), 132–134.
- Tarkov, P. N. (1946). On M. Holleaux's views on international relations in the Mediterranean at the turn of the 3rd and 2nd centuries BC. *Vestnik drevney istorii*, (3), 252–256.
- Tarkov, P. N. (1947). Review of the book *Philip V of Macedon*, by F. W. Walbank. *Vestnik drevney istorii*, (4), 97–101.
- Tarkov, P. N. (1951). Review of the book *History of the Ancient Rome*, by N. A. Mashkin. *Vestnik drevney istorii*, (4), 122–130.
- Tarkov, P. N. (1952). Review of the journal *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte*, 1950–1951, no. 1–3. *Vestnik drevney istorii*, (3), 113–118.
- Tikhonov, V. V. (2016). *Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)*. Nestor-Istoriya.
- Yulkina, O. N. (1947). Pergamon Decree 133 BC. *Vestnik drevney istorii*, (4), 160–168.